

Большая Евразия: что скрывает фасад вдохновляющей идеи

Сергей Константинович Песцов,

доктор политических наук, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: skpfox@mail.ru

Осенью 2013 г. Пекин представил мировой общественности «Инициативу Пояса и Пути», грандиозный внешнеполитический проект, определяющий как минимум на ближайшее десятилетие основные направления региональной и международной активности Китая. Этот проект с воодушевлением был воспринят большинством западных соседей КНР, которые приступили к сопряжению с ним собственных планов национального развития. Россия пошла ещё дальше, объявив о грядущем реформировании Азии и создании нового регионального пространства Большой Евразии. Но поскольку основным драйвером предполагаемой трансформации континентальной Азии так или иначе выступает Пекин, реальная оценка перспектив Большой Евразии в значительной степени будет определяться его видением и интересами, которые, судя по всему, оформились ещё далеко не окончательно. Целью данной работы выступает анализ разворачивающейся в настоящее время в китайской академической среде дискуссии, связанной с определением основных пространственных ориентиров и приоритетов новой периферийной политики страны. Это позволит не только понять сложность геостратегической дилеммы, с которой сейчас сталкивается КНР в своей внешней политике, но и реально оценить оправданность надежд её западных соседей, всё больше связывающих перспективы собственного экономического роста с переориентацией внимания Китая и его региональной активности на континентальную Азию. Полученные результаты дают возможность предположить, что, несмотря на заметный рост внимания к западной периферии, она вряд ли способна стать единственным или главным приоритетом региональной активности Пекина¹.

Ключевые слова: Россия, Китай, континентальная Азия, Большая Евразия, периферийная политика, региональная стратегия, «Инициатива Пояса и Пути», «Экономический пояс Шёлкового пути».

¹ Раздел «Россия: в объятиях новой вдохновляющей идеи» подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-014-00012.

Great Eurasia: What is Hidden Behind the Inspiring Idea.

Sergej Pestsov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: skpfox@mail.ru.

In autumn 2013, the leaders of China presented the Belt and Road Initiative to the world community, an ambitious foreign policy project that determines the main directions of its regional and international activity at least for the next decade. This project was enthusiastically accepted by the most of western neighbors of China who began to “combine” their own national development plans with it. Russia went even further by announcing the forthcoming reformatting of Asia and the creation of a new regional space Great Eurasia. Since China is the organizer of the proposed transformation of continental Asia, the real assessment of the prospects for Great Eurasia will be largely determined by its vision and interests, which, apparently, have not yet taken definitive shape. The purpose of this paper is the analysis of the current discussion in the Chinese academic environment on the definition of the main spatial features and priorities of the country’s new peripheral policy. Such analysis allows not only to understand the complexity of the geostrategic dilemma that China’s foreign policy encounters with, but also assess realistically the justification of the hopes of its western neighbors, who increasingly connect the prospects of their own economic growth with the reorientation of China’s attention and regional activity to continental Asia. The results suggest that despite a noticeable increase of attention to the western periphery, the latter is unlikely to be the only or top priority of China’s regional activity.

Keywords: Russia, China, continental Asia, Greater Eurasia, peripheral politics, regional strategy, Belt and Road Initiative, the Silk Road Economic Belt.

Осенью 2013 г. руководство Китая представило мировой обществу грандиозный внешнеполитический проект, получивший официальное название «Инициатива Пояса и Пути» (“Belt and Road Initiative” — BRI), который будет определять контуры и основные направления региональной и международной активности КНР как минимум на ближайшее десятилетие. В его основу положена идея укрепления физических и духовных связей внутри Азии, а также между этой частью света, Европой и Африкой. Внимание уделяется пяти основным сферам межгосударственных взаимоотношений: координации политики, строительству инфраструктуры (в т.ч. железных и автомобильных дорог), беспрепятственной торговле, финансовой интеграции и контактам между людьми [19]. Инициатива представляет собой беспрецедентный проект с точки зрения содержания и целей, масштаба, охватывая 65 стран, на которые приходится 55% мирового ВВП, 70% населения Земли и 75% известных

запасов энергетических ресурсов [38, р. 5—6]. По замыслу КНР данный проект в конечном счёте нацелен на переформатирование окружающего регионального пространства и создание адекватного фундамента для построения «сообщества общей судьбы» как главной стратегической цели новой периферийной дипломатии Пекина [23].

Инициатива Китая почти сразу с воодушевлением была воспринята большинством его западных соседей, выступивших с проектами сопряжения с ней собственных планов национального развития. Уже в сентябре 2014 г. Министерство экономического развития Таджикистана подписало с Госкомитетом по развитию и реформам КНР меморандум о сопряжении планов развития страны с реализацией проекта «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП) — важной составляющей «Инициативы Пояса и Пути». Предполагается совместными усилиями построить две железные дороги: Китай — Таджикистан (с дальнейшим выходом в Афганистан, Иран и Турцию) и Таджикистан — Афганистан — Туркменистан [10, с. 20—21]. В ноябре 2014 г. Улан-Батор объявил о своём проекте «Степной путь», нацеленном на подъём экономики государства посредством развития транспорта и торговли с использованием имеющихся географических преимуществ. Во время визита президента Монголии в Китай, в ноябре 2015 г., две страны выступили с заявлением о стремлении содействовать подписанию договора, увязывающего «Степной путь» с инициативой КНР. В октябре 2016 г. член Политбюро ЦК КПК Лю Юньшань в ходе официального визита в Монголию подтвердил договорённости, достигнутые ранее. Он заявил, что обе стороны должны стимулировать взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество, тесно увязывая свои программы [1]. «Степной путь» включает пять конкретных проектов, в т.ч. строительство скоростной автотрассы Монголия — Россия — Китай; прокладку новых ЛЭП, расширение имеющихся железнодорожных путей и трубопроводов. Улан-Батор и Пекин настойчиво повторяют: «Инициатива Пояса и Пути» и проект «Степной путь» во многом соприкасаются и отвечают интересам совместного развития сторон [12]. В июне 2015 г. протокол о расширении торгово-экономического сотрудничества в рамках реализации ЭПШП подписали Китай и Узбекистан. Этот документ предусматривал, что главные усилия государства направят на расширение торговли, осуществление программ инфраструктурного строительства, реконструкцию промышленных объектов и создание промышленных парков. Совместные проекты, в частности, предполагают постройку железнодорожного коридора

Китай — Кыргызстан — Узбекистан — Туркменистан — Иран — страны Персидского залива с возможным выходом из Ирана через Турцию в Европу [10, с. 22—23]. В декабре 2015 г. было достигнуто соглашение о сопряжении ЭПШП и новой экономической политики Казахстана «Нурлы Жол» («Светлый путь»), определены четыре приоритета стратегической стыковки Пекина и Астаны: развитие двусторонней торговли и сотрудничества в сфере производственной деятельности, ускоренное расширение и модернизация инфраструктуры, углубление взаимодействия в финансовой сфере [10, с. 18]. О трёх главных направлениях, объединяющих Кыргызстан и КНР в рамках создания ЭПШП, официально было объявлено в феврале 2016 г. Они включают строительство кольцевой автодороги вокруг озера Иссык-Куль, перенос избыточных производственных мощностей из Китая в Кыргызстан и возведение железнодорожной магистрали Китай — Кыргызстан — Узбекистан [10, с. 19].

РОССИЯ: В ОБЪЯТИЯХ НОВОЙ ВДОХНОВЛЯЮЩЕЙ ИДЕИ

РФ, в отличие от партнёров по Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), в своём затянувшемся (ныне дезавуированном) «повороте на Восток» какое-то время продолжала двигаться по инерции. Развитие российских восточных территорий, в соответствии с традиционно преваляровавшим в экспертном сообществе взглядом, должно было опираться на использование преимуществ их транспортного каркаса, чьё дальнейшее совершенствование предлагалось сохранить в качестве приоритета для федерального бюджета и инициатив в рамках государственно-частного партнёрства. Каркас этот составляют Транссибирская магистраль, а также необходимые в ближайшем будущем железные дороги юга Западной Сибири и Приморья, порты Тихоокеанского побережья, сети авиационных маршрутов, Северный морской путь и судоходные реки меридионального направления [4, с. 75]. Намерения России по интеграции в АТР в соответствии с этими ориентирами казались вполне очевидными; и даже первые заявления председателя КНР Си Цзиньпина о строительстве экономических коридоров развития в Центральной и Южной Азии как элемента будущей стратегии ЭПШП в 2013 г. не вызвали у Москвы особого интереса. Однако в мае 2015 г., когда Китаю уже удалось подписать соглашения с Казахстаном, Белоруссией и Кыргызстаном, в РФ сначала осторожно, а затем всё настойчивее стали рассуждать о важности и полезности сопряжения двух

региональных проектов — российского ЕАЭС и китайского ЭПШП. Формальное решение было принято на саммите СНГ и Высшем совете ЕАЭС в октябре 2015 г. И если на официальном уровне идея по-прежнему остаётся довольно абстрактной и дискуссионной, то у экспертов она всё явственнее трансформируется в предложение радикально пересмотреть стратегию поворота на Восток, осуществить поворот к «другой» Азии.

Теоретическое обоснование этого решения представлено в очередном докладе Валдайского клуба, увидевшем свет в 2016 г. [5]. Радикальным образом была пересмотрена идея интеграции России в АТР, которая активно пропагандировалась и продвигалась ранее в аналогичных докладах. Основанием стал критический анализ результатов предпринимавшихся в течение последних 25 лет усилий, которые в итоге не смогли укрепить позиции РФ в АТР и не решили основные структурные проблемы российского Дальнего Востока. Возможности Москвы с точки зрения её влияния на региональные процессы в АТР, по мнению авторов доклада, так и остались ограниченными, экономика Дальнего Востока сохраняет свою исключительно сырьевую направленность, иностранные инвестиции не увеличиваются, а отток населения продолжается. Причины этого эксперты видят не только в неэффективности используемых административных подходов, но — прежде всего — в принципиальных дефектах концепции развития восточных территорий посредством создания экспортно ориентированных производств и использования транзитных преимуществ Дальнего Востока РФ [5, с. 17, 20].

В качестве альтернативы авторы доклада предлагают идею поворота к «другой Азии». России, по их мнению, необходимо сосредоточиться на проекте создания нового экономического и политического пространства — Сообщества Большой Евразии, — в большей степени соответствующего долгосрочным тенденциям мирового развития, которые определяют в качестве нового центра экономического роста Китай, Индию, Иран и «страны, находящиеся между ними» [5, с. 6]. Соответственно, сопряжение ЕАЭС и ЭПШП рассматривается в качестве «одной из наиболее устремлённых в будущее концепций», чьим результатом станет «создание в Центральной Евразии и вокруг неё самого большого в мире региона сотрудничества» [5, с. 23]. Сибирь в рамках данного проекта должна будет сменить Дальний Восток в роли основного драйвера развития. Эксперты уверены, что Москве следует сосредоточить усилия на формировании «нового транспортного каркаса Сибири и Дальнего Востока», включающего меридиональные железные и шоссейные

дороги, связывающие Сибирь и Дальний Восток с огромными рынками Китая, а потенциально — Ирана, Индии, Пакистана [5, с. 6]. В новой конфигурации Сибирь повлечёт за собой Дальний Восток, а будущий регион Большой Евразии станет притягивать к новому центру развития Южную Корею, Японию и страны Европы.

Сегодня новая вдохновляющая идея — идея Большой Евразии — после продолжительных и малорезультативных разговоров об интеграции РФ в АТР, кажется, полностью завладела вниманием Москвы и многих отечественных специалистов. Некоторые российские эксперты вообще заявляют об «официальном и совместном выдвигании» Кремлём и Пекином концепции партнёрства или сообщества Большой Евразии как общего поля «экономического, логистического, информационного сотрудничества, мира и безопасности от Шанхая до Лиссабона и от Дели до Мурманска» [6]. Географически, уверены они, данный проект «будет, видимо, охватывать страны, входящие в ШОС, ЕАЭС, АСЕАН, государства, вовлечённые в „сопряжение“ проекта Шёлкового пути и ЕАЭС, включая, вероятно, Турцию, Иран, Израиль, Египет и новое экономическое пространство, которое будет создаваться по мере реализации Регионального всеобъемлющего экономического партнёрства, продвигаемого Китаем и АСЕАН с участием Индии, Японии, Южной Кореи» [6]. Другие трактуют ситуацию с осторожностью, отмечая, что основной «импульс в ускорении изменений на просторах Большой Евразии исходит всё же от Китая» [2]. Россия в их понимании вынуждена реагировать на начавшиеся трансформации. И хотя Москве не избежать признания общего лидерства Пекина, она тем не менее «в состоянии сохранить равноправие и свободу маневра в выстраивании отношений стратегического партнёрства с третьими странами». Таким образом, с этой точки зрения, интеграция постсоветского пространства в Большую Евразию — неизбежный процесс, который лучше возглавить, чем оказывать ему сопротивление [2]. Соответственно, и возможные стратегии «сопряжения» интересов РФ и КНР в рамках Большой Евразии варьируются в представлениях отечественных экспертов от проектов завоевания Россией лидерства в рамках формирующегося пространства посредством создания «собственной технологической и индустриальной зоны как центра притяжения для соседних регионов» [11] до разделения между Москвой и Пекином на этом пространстве военно-политических и экономических функций [8] и даже простого встраивания проектов, имеющихся у возглавляемого РФ ЕАЭС, в китайскую инициативу [13].

Воодушевление идеей Большой Евразии разделяют, правда, далеко не все отечественные специалисты. Сторонники иной точки зрения перечисляют как геополитические, так и экономические препятствия, которые возникают на этом пути. В первом случае, «избавляясь в теории от возможного вмешательства США в текущие поставки по морским маршрутам, Китай попадает в зависимость от ситуации в странах-транзитёрах, среди которых много бедных и политически нестабильных государств» [3]. Немало сомнений вызывает и экономическая обоснованность ЭПШП. «За 2015 год, — доказывает А. Зотин, — Китай экспортировал в Европу по этому маршруту около 50 тысяч контейнеров TEU... При этом один состав может доставлять до двухсот TEU максимум (обычно около пятидесяти). В то же время крупнейший в мире морской контейнеровоз CSCL Globe, управляемый China Shipping Container Lines, может за один раз перевозить 19 200 контейнеров TEU (а стандартный морской контейнеровоз — около девяти тысяч TEU). Таким образом, весь годовой объём китайского экспорта по железной дороге равен нескольким перевозкам по морю. Неудивительно, что 90% китайского внешнеторгового грузооборота осуществляется именно морским путём» [3]. Не выдерживают также критики, считает эксперт, и доводы о преимуществах наземной транспортировки товаров из Китая в Европу, равно как и перспективы переноса избыточных производственных мощностей из КНР в соседние страны [3].

Ещё более осторожны в оценках как перспектив Большой Евразии, так и последствий расширения экономической активности Пекина на этом направлении западные наблюдатели и некоторые специалисты в странах Центральной Азии. «То, что... совпадение интересов в конечном счёте приведёт к возникновению русско-китайского „кондоминиума“ в Центральной Азии, в котором Россия будет гарантом безопасности, а Китай — крупнейшим экономическим игроком, — убеждён, к примеру Х.-Й. Шпангер, — рисует слишком радужный образ будущего, даже если принимать в расчёт уверения региональных держав о негативном отношении к односторонним зависимостям» [14]. К схожему заключению приходит и группа специалистов независимой международной организации Saferworld (Великобритания) в докладе «Центральная Азия на перекрёстке. Меняющаяся роль России и Китая в регионе и последствия для мира и стабильности». До недавнего времени, отмечают эксперты, «в центральноазиатском контексте обеим державам удавалось достичь своих целей без абразивного столкновения друг с другом. Тем не менее российская озабоченность

экономическим ростом Китая и его программой военной модернизации, которые позволят ему разрабатывать и демонстрировать новые возможности в приграничных районах КНР, включая Центральную Азию, является слабо скрываемой. Хотя Москва и не может противостоять экономическому расширению Пекина, но её цель восстановить свою роль в регионе путём расширения ЕЭП противоречит планам Китая по укреплению ШОС и не предусматривает какого-либо существенного присутствия КНР с точки зрения безопасности» [16, р. 23]. Поэтому «в более долгосрочной перспективе для Китая вполне может оказаться проблематичной традиционная роль России и её видение будущего Центральной Азии» [16]. Больше того, региональные подходы двух стран, как отмечается в докладе, принципиально различаются. Если Пекин по большей части стремился поддерживать соседние государства, исходя из того, что их экономический рост отвечает его интересам, то «понятие национальной безопасности президента Путина заключается в том, чтобы окружить Россию... цепочкой экономических „чёрных дыр“ (таких, как Украина и Белоруссия) и „замороженных конфликтов“ (в т.ч. в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии). Там, где стратегия Китая основана на необходимости стабильного соседства, Путин, в соответствии со своей точкой зрения, стремится создать послушное и зависимое» [16].

Многие зарубежные исследования, появившиеся в последнее время, также указывают на ряд серьёзных вызовов и проблем, включая не только те, что уже имеют место (синофобия, этнические и религиозные конфликты), но и те, которые способна вызвать расширяющаяся китайская активность в регионе. Например, один автор пишет об ошибочности простой формулы «развитие равно стабильности», акцентирующей внимание исключительно на физической (инфраструктурной) составляющей первого. Реальная практика, по мнению этого эксперта, свидетельствует: широкомасштабные инфраструктурные проекты способны усиливать внутреннюю напряжённость из-за противоречий и внутреннего соперничества за доступ к выгодам, предоставляемым такими проектами, или их использования в качестве повода для националистических призывов конкурирующих политических сил [17, р. 7]. В странах с относительно большей свободой медиа, отмечается в другом исследовании, таких как Казахстан и Кыргызстан, «скандалы и коррупция, связанные с Китаем, являются наиболее политически приемлемым способом критиковать региональных чиновников за коррупцию и подкуп» [21]. С другой стороны, инициатива Пекина также потенциально

может способствовать укреплению существующих в ряде стран Центральной и Южной Азии режимов, имеющих отрицательный демократический опыт или опыт развития, усугубляя тем самым структурные элементы нестабильности [18, р. X]. Ещё одним серьёзным вызовом является то, как инициативы КНР могут повлиять на системы управления и коррупцию в регионе [18, р. X]. Согласно некоторым данным, «китайские официальные лица в частном порядке ожидают потерять 80% своих инвестиций в Пакистане, 50% — в Мьянме и 30% — в Центральной Азии» [20]. В этой связи важно иметь в виду, что речь идёт не просто о допустимых издержках, но об укоренении и разрастании разрушительных для экономического развития региона практиках. Три наиболее важные проблемы — «приватизация общественных благ; сохранение громоздких пограничных режимов и увеличение ожиданий незаконных доходов от прямых иностранных инвестиций» — наиболее ярко иллюстрируют, по мнению А. Кули, эту ситуацию [17, р. 10]. Кроме всего прочего, данные результаты, по мнению исследователя, противоречат и намерениям КНР, «поскольку не будут стимулировать региональное развитие и необязательно обеспечат китайским компаниям более широкий доступ к рынкам и другие возможности» [17, р. 11].

Тем не менее, поскольку основным драйвером предполагаемой трансформации континентальной Азии так или иначе выступает Пекин, реальная оценка перспектив Большой Евразии в значительной степени будет определяться его видением и интересами, которые, судя по всему, оформились ещё далеко не окончательно. Дискуссии, разворачивающиеся в настоящее время в Китае, позволяют не только понять сложность геостратегической дилеммы, с которой он столкнулся, но и оценить оправданность надежд, связываемых с переориентацией основной региональной активности КНР на континентальную Азию.

КИТАЙ МЕЖДУ СУШЕЙ И МОРЕМ: НЕРЕШЁННАЯ ДИЛЕММА

Сложно не заметить, что два основных компонента, составляющих «Инициативу Пояса и Пути», — ЭПШП и Морской Шёлковый путь XXI в. — олицетворяют разнонаправленные геостратегические векторы внешней политики. С одной стороны, очевидно, что Китай, являясь одновременно морским и континентальным государством, вынужден уделять внимание обоим направлениям [22, р. 123].

С другой — такое положение увеличивает опасности непродуктивного рассеивания имеющихся ресурсов и стратегического перенапряжения, ставя страну перед необходимостью более чёткого определения приоритетов региональной активности. Руководство КПК, подчёркивает в этой связи специалист по международным отношениям Народного университета Китая Ши Иньхун, должно проявлять осторожность в отношении как «стратегической военной силы» (шумного размахивания шашкой НОАК), так и «стратегической экономики» (демонстрации силы посредством экономических проектов в рамках «Инициативы Пояса и Пути»). Исследователь считает, что КНР должна «предотвратить чрезмерный экспансионизм, который с неизбежностью ведёт к «стратегической перегрузке» [29, р. 1—2]. Разворачивающиеся в Китае и за его пределами дискуссии вокруг этой проблемы, таким образом, со всей очевидностью свидетельствуют как о её актуальности, так и об отсутствии пока что ясного и однозначного решения.

Многие специалисты из КНР убеждены, что определяющим в рамках инициативы становится ЭПШП, нацеленный на практическую реализацию китайского видения евразийской (континентальной) интеграции. Концептуальным обоснованием этой позиции выступает идея необходимости переноса Пекином основной тяжести его региональной активности с пространства АТР на континентальную Евразию. Некоторые из экспертов убеждены, что данная идея уже вышла за рамки теоретических дискуссий, считая подтверждением этого одобрение руководством Китая принципиально нового подхода: «вкладывать больше средств в „Пояс“, нежели в „Путь“», чтобы обеспечить долгосрочную стабильность своих западных соседей и расширить общую основу для действительно взаимовыгодных отношений [24]. Однако с этим согласны далеко не все. Пока что совсем не ясно, полагают оппоненты, какое из окружающих КНР пространств сможет стать её «сердцем», когда Пекин возьмёт на себя ведущую роль в Азии: Азиатско-Тихоокеанский регион или Центральная Азия будет хартлендом Евразийского континента [36]. Соответственно, чёткий ответ на вопрос, какое из возможных геостратегических направлений периферийной политики Китая окажется в ближайшие годы основным или преобладающим, во многом определит будущее и этой страны, и её разных соседей, так или иначе связывающих с КНР перспективы своего развития.

Демонстративное в последнее время смещение внимания и внешней активности Китая в направлении континентальной Евразии, получившее благодаря директору Школы международных

исследований Пекинского университета Ван Цзиси звучное название «Марш на Запад», ряд экспертов из КНР и их зарубежных коллег прямо связывают с «разворотом» США в Азиатско-Тихоокеанский регион. Дискуссия же разворачивается вокруг того, является данное обстоятельство главной причиной или только лишь поводом и, соответственно, насколько существенной — глубокой и устойчивой — можно считать наметившуюся смену стратегического вектора во взаимоотношениях Пекина с внешним миром и соседями. Движение КНР на запад, по мнению Ван Цзиси, выступает «стратегической необходимостью, поскольку в противном случае „сдвиг на восток“ в стратегическом фокусе администрации США угрожает заблокировать китайско-американские отношения в „игре с нулевой суммой“ в Восточной Азии» [28, р. 7—8]. Центральная Азия же, развивает эту мысль профессор Пекинского университета международных исследований Се Тао, выступает в роли «предохранительного клапана», позволяющего КНР расширять своё влияние без увеличения риска силовой конфронтации. Другими словами, даже не являясь в полном смысле глобальной державой, Китай в этом случае, используя своё уникальное геополитическое месторасположение, имеет возможность реализовывать собственные интересы вопреки попыткам сдерживания и без вовлечения в прямую конфронтацию [26]. С наличием у Пекина благоприятных возможностей для манёвра соглашается и профессор Университета Херцога (США) Гао Бай, подчёркивая, что само геостратегическое положение Китая — «гибрид суши и моря» — обеспечивает ему определённую свободу стратегического выбора: при возникновении проблем на морском фронте государство может развиваться на запад, посвятив себя интеграции евразийских экономик; если трудности появятся на евразийском материке, КНР пойдёт на восток, обратившись к интеграции азиатско-тихоокеанских стран [30].

В то же время многие китайские аналитики подчёркивают: идею переориентации значительной части внешней активности Пекина в западном направлении вообще не следует рассматривать в качестве ответа на стратегию перебалансировки США [38, р. 17]. По их мнению, КНР предлагает новую модель регионального сотрудничества и её можно считать «поворотом Китая на запад» потому, что последний нуждается в развитии [37]. Эксперты настаивают на необходимости рассматривать инициативу Пекина в более широком контексте интеграционных проблем, указывая, что в связи с экономическим спадом в ЕС и Соединённых Штатах первоначальный механизм регионального роста в Восточной Азии, основанный

на промышленных цепочках и торговле, вступает в очередной переходный период. И поэтому перед всей Азией стоит задача построить новый, более динамичный механизм роста, основывающийся на инфраструктурной связанности и совершенствовании транснационального рынка [38, p. 17].

Тем не менее отдельные китайские исследователи довольно скептически оценивают возможности и перспективы «Марша на Запад». В частности, развёрнутый критический анализ идеи, предполагающей перенос основного акцента внешней активности КНР на континентальное направление, содержится в работе доцента Школы международных исследований Народного университета Китая У Чжэнью. Рассматривая доводы, приведённые в обоснование стратегии, он приходит к выводу, что реализация сопряжена с серьёзными трудностями, а сама идея «Марша на Запад» не способна помочь КНР «избежать нынешней головоломки» [30]. Особое внимание У Чжэнью обращает на три основных момента. Во-первых, «стремление Китая укрепить свои позиции в Евразии и желание Америки сохранить континентальный баланс сил не просто не совместимы; на самом деле они диаметрально противоположны» [30]. Соответственно, попытка Пекина хеджировать риски противостояния с Вашингтоном в АТР путём переориентации активности на запад, скорее всего, приведёт к обратному результату.

Второй проблемой, полагает эксперт, является то, что поворот на запад с неизбежностью приведёт к ухудшению нестабильных отношений РФ и КНР. «...С исторической или практической точки зрения трудно себе представить, — уверен он, — чтобы Россия позволила Китаю совершить столь значительное вторжение в Центральную Азию; объективно говоря, рост там влияния КНР неизбежно будет означать сокращение РФ, что ещё более уменьшит вес великого средства торга Москвы с Пекином — энергетических ресурсов. Россия может не иметь средств для экономической конкуренции с Китаем в Центральной Азии, но это, конечно же, не означает, что она будет притворяться слепой» [30]. Усугубляет проблему и то, что «взаимная уязвимость между двумя континентальными державами обычно намного выше, чем между континентальной и морской» [30]. «В последние несколько лет стало совершенно ясно, — развивают эту мысль сотрудники Исследовательского центра экономической дипломатии Университета Ухань Чжан Сяотун и Марлен Белгибаев, — что Москва не хочет ослаблять свою власть в отношении бывших советских республик.

Евразийский поворот Москвы является частью более масштабного плана возрождения России, где Центральная Азия имеет решающее значение» [35]. И в этом случае геополитический проект РФ с неизбежностью «наталкивается на Китай, который также хочет расширить своё влияние в регионе с помощью экономических средств» [35].

Третье важное обстоятельство, полагает У Чжэнью, связано с вероятными негативными последствиями возможного укрепления экономических позиций КНР в Центральной Азии. Экономические преимущества как способ обеспечения политического влияния, считает эксперт, имеют ограниченный потенциал и становятся контрпродуктивными, как только превышает некий предел. Поэтому вполне вероятно, что «если Китай увеличит своё экономическое проникновение в Центральную Азию, страны этого региона, скорее всего, в интересах поддержания политической и стратегической автономии предпочтут укреплять стратегическое сотрудничество с другими державами — в качестве средства хеджирования от политических рисков, вызванных экономической зависимостью» [30]. Таким образом, заключает эксперт, КНР ещё предстоит найти соответствующий баланс между сушей и морем и, что принципиально важно, относительно долгое время ей придётся ограничивать свою ориентированную на сушу деятельность для обеспечения стабильных отношений с соседними державами, особенно с Россией [30].

Одновременно с этим значительная часть китайских исследователей, не отрицая в принципе важность расширения добрососедских отношений на западных границах, вообще убеждена, что главным внешнеполитическим ориентиром Пекина должны оставаться Восточная Азия и АТР. Так, бывший директор, а ныне видный эксперт по вопросам национальной безопасности и военной стратегии Института стратегических исследований Университета национальной обороны КНР адмирал в отставке Янь И уверен: стратегический приоритет Китая с неизбежностью заканчивается на Востоке и морем. Укрепление позиций страны на Тихом и Индийском океанах, по твёрдому убеждению эксперта, является необходимой предпосылкой для превращения её в глобальную великую державу. Западную периферию, в этой связи, следует рассматривать в качестве «стратегического заднего двора», где КНР должна стремиться к стабильности, а не продвижению [33]. С Янь И согласен и декан факультета международных отношений Университета Цинхуа Янь

Сюэтуна, по мнению которого, Морской Шёлковый путь — самый важный из проектов в рамках «Инициативы Пояса и Пути». ЭПШП в Центральной Азии, считает он, нацелен на консолидацию «стратегического тыла» Китая в регионе, где потенциал экономического развития и традиционные угрозы безопасности не очень значительны. В отличие от этого Морской Шёлковый путь непосредственно связан с центральной зоной подъёма КНР. «И если Китай действительно намерен противостоять региональному влиянию США, инвестиции и участие в Юго-Восточной Азии, — убеждён Янь Сюэтуна, — являются более срочными и обеспечивают большее стратегическое преимущество, чем в Центральной Азии» [15, р. 5].

В Китае с 2003 г. растёт влияние сторонников т.н. школы морской силы, которые уверены: поскольку океан — самая удобная среда, объединяющая мир, наиболее выгодную позицию в эпоху глобализации занимает тот, кто имеет сильный флот и способен эффективно контролировать морские коммуникации. Судьбу наций, подчёркивают они, определяет морская сила, и КНР не исключение [34, р. 23—24]. Важность морского продвижения страны обуславливается, кроме всего прочего, жизненно важной проблемой обеспечения ресурсов. Экономика Китая на 60% зависит от внешней торговли, почти 80% которой осуществляется посредством морских перевозок. В настоящее время океан играет важную роль в экономическом развитии государства. Поэтому «переход от земли к океану и от соседних вод к глубоким водам» уже стал важной опорой стратегии развития страны [25, р. 83]. Постоянно растущее присутствие Пекина в мировой экономике говорит о том, что его подход к оценке угроз подвергается «цветному сдвигу»: от концентрации внимания на «жёлтой» (континентальной) суше и «коричневых» (прибрежных) водах к акцентированию «синих» (высоких) морей [32]. Обоснованность данной позиции, полагают её сторонники, подкрепляется ссылками на официальные государственные решения и мнения. Весьма показательным в этой связи считается одобрение XVIII съездом КПК в ноябре 2012 г. стратегии «строительства Китая как морской державы», предусматривающей, что КНР должна развивать свою экономику всесторонним путём: с экономическим развитием океана, осуществляемым в рамках более широкой национальной стратегии, и одновременно с сохранением суверенитета страны, её безопасности и интересов. Приверженцы «школы морской силы» опираются и на мнение Си Цзиньпина, который, говоря о важности усилий, направленных на то, чтобы именно морские отрасли стали

основой национальной экономики Китая, указывает: «соответствующие стороны должны улучшить возможности и расширить сферы использования морских ресурсов, чтобы „превратить морскую экономику в новую точку роста в стране“» [31].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не вызывает сомнений, что западное (континентальное) направление в рамках новой, всё более отчётливой, периферийной политики современного Китая приобретает большое значение. Становящаяся всё очевиднее активность Пекина по этому вектору, даже если признать, что непосредственной побудительной причиной стало изменение стратегической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, опирается на более широкий круг фундаментальных внешних и внутренних стимулов. Предпринимаемые шаги уже приобрели контуры программы практических действий в виде одного из главных компонентов «Инициативы Пояса и Пути», равно как и необходимую основу в форме двусторонних отношений стратегического партнёрства Китая практически со всеми его западными соседями. Стратегия «Марша на Запад» позволяет Пекину открыть свободную от доминирования Вашингтона альтернативную географическую зону для поддержания роста и расширения влияния. Она также создаёт новые возможности для решения одной из наиболее актуальных национальных задач, связанной с ликвидацией внутренних экономических и социальных дисбалансов.

Вместе с тем гораздо более важным и фундаментальным геополитическим сдвигом в новейшей истории Китая следует, вероятно, считать его всё более очевидный акцент на море. С окончанием холодной войны и распадом Советского Союза впервые в истории КНР лишилась каких-либо серьёзных угроз для своей безопасности с суши, что позволило ей сосредоточиться на укреплении и расширении сферы своего влияния в морской Восточной Азии. Экономические интересы Пекина на этом направлении существенно превышают его интересы в Южной и Центральной Азии, вместе взятых. Вместе с тем, превратившись во вторую по величине экономику мира, Китай полагает, что может (в дополнение к Тихоокеанской Азии) расширить свои интересы и в Евразии. Таким образом, «Марш на Запад» вовсе не подразумевает радикальной и однозначной стратегической переориентации внешней политики. Фактически эта идея выступает

обоснованием лишь некоторой смены соотношения между особым историческим акцентом Китая на Восточной Азии и возможностями, открывающимися на других направлениях, говорит о необходимости рассмотрения последних для дальнейшего подъёма страны и использования выгод как морской, так и континентальной державы [33]. Даже один из самых авторитетных пропагандистов «Марша на Запад» Ван Цзиси оговаривается: он вовсе не настаивает, чтобы идея превратилась в чётко зафиксированную национальную внешнеполитическую стратегию. Важность мысли, лежащей в её основе, полагает он, заключается в акцентировании внимания на том, что «в нынешних условиях постоянных изменений в геоэкономической и геополитической ситуации Китаю необходимо заняться новым и всеобъемлющим размышлением о геостратегическом „перебалансировании“, не вызывая столкновений между китайской сухопутной и морской мощью» [28, р. 10]. Оптимальный баланс суши и моря во внешней политике Пекина сегодня ещё окончательно не найден. Однако, как считают некоторые эксперты КНР, исторический опыт указывает: когда сухопутные/морские гибридные державы добиваются стабильности на своих сухопутных границах, они в основном склонны сосредоточивать энергию на морском развитии [30]. «Таким образом, — приходит к выводу Се Тао, — ещё слишком рано приветствовать наступление Евразийского века Китая, а сколь бы ни был вдохновляющим и привлекательным „Марш на Запад“, похоже, он не имеет реальных шансов стать действительным» [27].

Что следует из этого для евразийских соседей КНР, прежде всего России? Вероятно, — желание воспользоваться возможностями, предоставляемыми расширением хозяйственной кооперации с Пекином, что вполне понятно и объяснимо. Вместе с тем возложение излишних надежд, как показывает анализ выше, вряд ли оправданно. Это связано не только с сохраняющейся неопределённостью относительно масштабов и устойчивости интереса Китая к углублению континентальной региональной активности, но и с понятным его стремлением к решению прежде всего собственных, достаточно многочисленных проблем. В этой связи весьма сомнительной может быть «стратегия сопряжения», в которой национальные проекты регионализма и регионального строительства приспособляются к инициативе КНР как базовой или определяющей. Продуктивнее будет подход, исходящий из возможности партнёров Пекина использовать указанную инициативу для содействия реализации собственного видения региона. Однако для этого необходимо, чтобы данное видение приобрело ясность и более чёткие контуры.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. В центре внимания: инициатива «Пояс и Путь» — беспроигрышное сотрудничество Китая и Монголии // ASIARUSSIA.RU: сайт немецкой общественной телерадиокомпании ARD. 4 октября 2016. URL: <http://asiarussia.ru/articles/13789/> (дата обращения: 05.11.2017).
2. Ефременко Д. Рождение Большой Евразии // GLOBALAFFAIRS.RU: официальный сайт журнала «Россия в глобальной политике». 2016. № 6. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478> (дата обращения: 12.11.2017).
3. Зотин А. Один пояс, много тупиков. Зачем Китаю нужен Новый шёлковый путь // CARNEGIE.RU: официальный сайт Московского центра Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/commentary/70057> (дата обращения: 03.12.2017).
4. К Великому океану-2, или Российский рывок к Азии. Доклад Валдайского клуба. М., 2014. 84 с.
5. К Великому океану-4: поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. 36 с.
6. Караганов С. С Востока на Запад, или Большая Евразия. Россия в глобальной политике // GLOBALAFFAIRS.RU: официальный сайт журнала «Россия в глобальной политике». 24.10.2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/S-Vostoka-na-Zapad-ili-Bolshaya-Evraziya-18438> (дата обращения: 03.12.2017).
7. Кузьмина Е. Можно ли совместить ЕАЭС и Шёлковый путь? // RUSSIANCOUNCIL.RU: официальный сайт Российского совета по международным делам (РСМД). URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mozhno-li-sovmestit-eaes-i-shelkovyy-put/?sphrase_id=2003386 (дата обращения: 05.11.2017).
8. Лукьянов Ф. Как Москва ищет своё место в Центральной Азии // GLOBALAFFAIRS.RU: официальный сайт журнала «Россия в глобальной политике». 23.08.2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Kak-Moskva-ischet-svoe-mesto-v-Tcentralnoi-Azii-18328> (дата обращения: 17.11.2017).
9. Подберезкин О. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП: динамика и перспективы: доклад на секции «Общее экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока: перспективы интеграции ЕС и ЕАЭС» в рамках МЭФ-2016. Москва, 24 марта 2016 г. // EURASIAN-MOVEMENT.RU: официальный сайт Евразийского движения РФ (ЕДРФ). URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/18920> (дата обращения: 17.11.2017).
10. Проект «Экономический пояс Шёлкового пути». Перспективы для СНГ: информационно-аналитическая записка / Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. М., 2016. 25 с.
11. Сафранчук И. Если ставки не сыграли // GLOBALAFFAIRS.RU: официальный сайт журнала «Россия в глобальной политике». 2016. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Esli-stavki-ne-sygrali-18390> (дата обращения: 12.11.2017).
12. «Степной путь» (Монголия). 19.04.2017 // RUSSIAN.CHINA.ORG.CN: официальный сайт Китайского информационного интернет-центра. URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2017-04/19/content_40650242.htm (дата обращения: 07.12.2017).
13. Ткачук С. ЕАЭС и все-все-все // GLOBALAFFAIRS.RU: официальный сайт журнала «Россия в глобальной политике». 2016. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/EAES-i-vse-vse-vse-18145> (дата обращения: 07.12.2017).

14. Шпангер Х.-Й. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шёлковом пути // GLOBALAFFAIRS.RU: официальный сайт журнала «Россия в глобальной политике». 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Povorot-Rossii-na-Vostok-povorot-Kitaya-na-Zapad-vzaimodeistvie-i-konflikty-na-Shlkovom-puti-18208> (дата обращения: 07.12.2017).
15. Bondaz A. China's Foreign Policy: Prioritising the Neighbourhood // China Analysis. April 2015. Special Issue. 5 p.
16. Central Asia at a Crossroads. Russia and China's Changing Roles in the Region and the Implications for Peace and Stability / Saferworld. London, June 2015. 39 p.
17. Cooley A. The Emerging Political Economy of OBOR. The Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2016. 16 p.
18. Ghiasy R., Jiayi Zh. The Silk Road Economic Belt. Considering Security Implications and EU — China Cooperation Prospects / Stockholm International Peace Research Institute. 2017. 60 p.
19. Junhua Zhang. What's Driving China's One Belt, One Road Initiative? // EASTASIAFORUM.ORG: информационный портал. URL: <http://eastasiaforum.org/2016/09/02/whats-driving-chinas-one-belt-one-road-initiative/> (дата обращения: 24.05.2017).
20. Kynge J. How the Silk Road Will Be Financed // FT.COM: официальный сайт Financial Times. May 9, 2016. URL: <https://www.ft.com/content/e83ced94-0bd8-11e6-9456-444ab5211a2f> (дата обращения: 14.10.2017).
21. Laruelle M., Sébastien P. The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change, and the Chinese Factor. New York: Columbia University Press, 2012. 271 p.
22. Li Xing, Wang Chenxing. Prospects of the Eurasian Union. A View from China // INTERTRENDS.RU: официальный сайт журнала International Trends (Mezhdunarodnye protsessy). URL: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1662/cQCISS8F3j.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).
23. Liu Zhenmin. Insisting on Win-Win Cooperation and Forging the Asian Community of Common Destiny Together // CIIS.ORG.CN: информационный портал. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2014-06/17/content_6987936.htm (дата обращения: 11.09.2017).
24. Minghao Zhao. «March Westwards» and a New Look on China's Grand Strategy // D3QI0QP55MX5F5.CLOUDFRONT.NET: информационный портал. URL: https://d3qi0qr55mx5f5.cloudfront.net/cpost/i/docs/Zhao__Minghao_Workshop_Paper.pdf (дата обращения: 18.05.2017).
25. Sumie Yoshikawa. China's Maritime Silk Road Initiative and Local Government // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 79—89.
26. Tao Xie. Back on the Silk Road: China's Version of a Rebalance to Asia' // Global Asia. Spring 2014. Vol. 9. Issue 1. P. 70—76.
27. Tao Xie. Is This China's Eurasian Century? China's Response to the U.S. Pivot to Asia — a «March West» — Faces Serious Hurdles // THEDIPLOMAT.COM: информационный портал. URL: <http://thediplomat.com/2015/10/is-this-chinas-eurasian-century/> (дата обращения: 18.05.2017).
28. Wang Jisi. «Marching Westwards»: The Rebalancing of China's Geostrategy // International and Strategic Studies Report / Center for International and Strategic Studies, Peking University. October 2012. No. 73. P. 7—8.
29. Willy L. China's Global Power Projection Hit With «Strategic Overdraft» // China Brief. May 11, 2017. Vol. 17. Issue 7. P. 1—2.

30. Wu Zhengyu. Toward «Land» or Toward «Sea»? The High-Speed Railway and China's Grand Strategy // USNWC.EDU: информационный портал. URL: <https://www.usnwc.edu/getattachment/cac23620-c962-4968-94f9-d514aa1d01fa/Toward--Land--or-toward--Sea--.aspx> (дата обращения: 14.09.2017).
31. Xi Advocates Efforts to Boost China's Maritime Power. 2013.08.01 // TR.CHINA-EMBASSY.ORG: информационный портал. URL: <http://tr.china-embassy.org/eng/xwtd/t1063331.htm> (дата обращения: 18.11.2017).
32. Xin Chen. Sea Power and Maritime Disputes: China's Internal Discourses // Maritime Security in East and Southeast Asia / ed. by Nicholas Tarling, Xin Chen. Singapore: Springer, 2017. P. 207—249.
33. Yun Sun. March West: China's Response to the U.S. Rebalancing // BROOKINGS.EDU: информационный портал. URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2013/01/31/march-west-chinas-response-to-the-u-s-rebalancing/> (дата обращения: 11.11.2017).
34. Zhang Wenmu. Sea Power and China's Strategic Choices // China Security. Summer 2006. P. 17—31.
35. Zhang Xiaotong, Marlen Belgibayev. China's Eurasian Pivot // THEASANFORUM.ORG: информационный портал. URL: <http://www.theasanforum.org/chinas-eurasian-pivot/> (дата обращения: 22.07.2017).
36. Zhang Xiaotong, Li Xiaoyue. China's Regionalism in Asia // THEASANFORUM.ORG: информационный портал. URL: <http://www.theasanforum.org/chinas-regionalism-in-asia/> (дата обращения: 21.03.2017).
37. Zhang Yunling. One Belt, One Road: A Chinese View // GLOBALASIA.ORG: официальный сайт издания Global Asia. Vol. 10. No. 3. URL: <https://www.globalasia.org/issue/chinas-new-silk-roads/>> (дата обращения: 03.12.2016).
38. Zhao Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // Trends in Southeast Asia. Singapore: ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2016. No. 6. 44 p.

REFERENCES

1. *V tsentre vnimaniya: initsiativa "Poyas i put'" — besproigrishnoye sotrudnichestvo Kitaya i Mongolii* [The Focus of Attention: the Belt and Road Initiative — Safe Cooperation of China and Mongolia]. Available at: <http://asiarussia.ru/articles/13789/> (accessed 05.11.2017). (In Russ.)
2. Yefremenko D. Rozhdeniye Bol'shoy Yevrazii [The Creation of Great Eurasia]. *Rossiya v global'noy politike*. 2016, no. 6. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478> (accessed 12.11.2017). (In Russ.)
3. Zotin A. *Odin poyas, mnogo tupikov. Zachem Kitayu nuzhen novyy shelkovyy put'* [One Belt, Many Deadlocks. Why does China Need a New Silk Road?]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/70057> (accessed 03.12.2017). (In Russ.)
4. *K Velikomu okeanu-2, ili Rossiyskiy ryvok k Azii. Doklad Valdayskogo kluba* [Towards Great Ocean-2 or Russian Sprint to Asia. The Report of the Valdai Club]. Moscow, 2014, 84 p. (In Russ.)
5. *K Velikomu okeanu-4: povorot na Vostok. Predvaritel'nyye itogi i novyye zadachi. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday"* [Towards Great Ocean-4: a Turn to the East. Preliminary Results and New Objectives. A Report of the International Discussion Club "Valdai"]. Moscow, 2016, 36 p. (In Russ.)
6. Karaganov S. *S Vostoka na Zapad, ili Bol'shaya Evraziya, Rossiya v global'noy politike* [From the East to the West or Great Eurasia, Russia in Global Politics]. *Rossija v global'noj*

- politike*. 24.10.2016. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/S-Vostoka-na-Zapad-ili-Bolshaya-Evraziya-18438> (accessed 03.12.2017). (In Russ.)
7. Kuz'mina Ye. *Mozhno li sovместit' YEAES i Shelkovyy put?* [Is it Possible to Combine EEU and the Silk Road?]. Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mozhno-li-sovmestit-eaes-i-shelkovyy-put/?sphrase_id=2003386 (accessed 05.11.2017). (In Russ.)
 8. Luk'yanov F. *Kak Moskva ishchet svoje mesto v Tsentral'noy Azii* [How Moscow Searches its Way in Central Asia]. *Rossija v global'noj politike*. 23.08.2016. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Kak-Moskva-ishchet-svoe-mestov-Tcentralnoi-Azii-18328> (accessed 17.11.2017). (In Russ.)
 9. Podberezkin O. *Sopryazheniye YEAES i EPSHP: dinamika i perspektivy* [EEU and the Silk Road Economic Belt: Dynamics and Prospects. A Report on the Section "General Economic Space from Lisbon to Vladivostok: Integration Prospects of EU and EEU" at IEF-2016, 24 March 2016]. Available at: <http://eurasian-movement.ru/archives/18920> (accessed 17.11.2017). (In Russ.)
 10. *Proyekt "Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti"*. *Perspektivy dlya SNG: informacionno-analiticheskaja zapiska* [The Silk Road Economic Belt Project. Prospects for CIS. Informative and analytic note]. Moscow, 2016, 25 p. (In Russ.)
 11. Safranchuk I. *Yesli stavki ne sygrali* [When the Stakes didn't Work out]. *Rossiya v global'noj politike*. 2016, no. 5. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Esli-stavki-ne-sygrali-18390> (accessed 12.11.2017). (In Russ.)
 12. "Stepnoy put'" (*Mongoliya*) ["Steppe Way" (Mongolia)]. 19.04.2017. Available at: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2017-04/19/content_40650242.htm (accessed 07.12.2017). (In Russ.)
 13. Tkachuk S. *YEAES i vse-vse-vse* [EEU and Others]. *Rossiya v global'noj politike*. 2016, no. 3. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/EAES-i-vse-vse-vse-18145> (accessed 07.12.2017). (In Russ.)
 14. Shpanger Kh.-Y. *Povorot Rossii na Vostok, povorot Kitaya na Zapad: vzaimodeystviye i konflikty na Sholkovom puti* [Russia's Turn to the East, China's Turn to the West: Cooperation and Conflicts at the Silk Road]. *Rossiya v global'noj politike*, 2016. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Povorot-Rossii-na-Vostok-povorot-Kitaya-na-Zapad-vzaimodeistvie-i-konflikty-na-Sholkovom-puti-18208> (accessed 07.12.2017). (In Russ.)
 15. Bondaz A. *China's Foreign Policy: Prioritising the Neighbourhood*. *China Analysis*, april 2015, special issue, 5 p. (In Eng.)
 16. *Central Asia at a Crossroads. Russia and China's Changing Roles in the Region and the Implications for Peace and Stability*. Ed. by Saferworld, London, june 2015, 39 p. (In Eng.)
 17. Cooley A. *The Emerging Political Economy of OBOR. The Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond*. Washington, DC, Center for Strategic and International Studies Publ., 2016, 16 p. (In Eng.)
 18. Ghiasy R., Jiayi Zh. *The Silk Road Economic Belt. Considering Security Implications and EU—China Cooperation Prospects*. Ed. by Stockholm International Peace Research Institute, 2017, 60 p. (In Eng.)
 19. Junhua Zhang. *What's Driving China's One Belt, One Road Initiative?* Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2016/09/02/whats-driving-chinas-one-belt-one-road-initiative/> (accessed 24.05.2017). (In Eng.)
 20. Kyngge J. *How the Silk Road Will Be Financed*. *Financial Times*, may 9, 2016. Available at: <https://www.ft.com/content/e83ced94-0bd8-11e6-9456-444ab5211a2f> (accessed 14.10.2017). (In Eng.)

21. Laruelle M., Sébastien P. *The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change, and the Chinese Factor*. New York, Columbia University Press Publ., 2012, 271 p. (In Eng.)
22. Li Xing, Wang Chenxing. Prospects of the Eurasian Union. A View from China. *International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)*. Available at: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1662/cQClSS8F3j.pdf> (accessed 14.10.2017). (In Eng.)
23. Liu Zhenmin. *Insisting on Win-Win Cooperation and Forging the Asian Community of Common Destiny Together*. Available at: http://www.ciis.org.cn/english/2014-06/17/content_6987936.htm (accessed 11.09.2017). (In Eng.)
24. Minghao Zhao. "March Westwards" and a New Look on China's Grand Strategy. Available at: https://d3qi0qp55mx5f5.cloudfront.net/cpost/i/docs/Zhao__Minghao_Workshop_Paper.pdf (accessed 18.05.2017). (In Eng.)
25. Sumie Yoshikawa. China's Maritime Silk Road Initiative and Local Government. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 79–89. (In Eng.)
26. Tao Xie. Back on the Silk Road: China's Version of a Rebalance to Asia'. *Global Asia*, spring 2014, vol. 9, iss. 1, pp. 70–76. (In Eng.)
27. Tao Xie. *Is This China's Eurasian Century? China's Response to the U.S. Pivot to Asia — a "March West" — Faces Serious Hurdles*. Available at: <http://thediplomat.com/2015/10/is-this-chinas-eurasian-century/> (accessed 18.05.2017). (In Eng.)
28. Wang Jisi. "Marching Westwards": The Rebalancing of China's Geostrategy. *International and Strategic Studies Report*. Ed. by Center for International and Strategic Studies, Peking University, October 2012, no. 73, pp. 7–8. (In Eng.)
29. Willy L. China's Global Power Projection Hit With "Strategic Overdraft". *China Brief*, may 11, 2017, vol. 17, iss. 7, pp. 1–2. (In Eng.)
30. Wu Zhengyu. *Toward "Land" or Toward "Sea"? The High-Speed Railway and China's Grand Strategy*. Available at: <https://www.usnwc.edu/getattachment/cac23620-c962-4968-94f9-d514aa1d01fa/Toward--Land--or-toward--Sea--.aspx> (accessed 14.09.2017). (In Eng.)
31. *Xi Advocates Efforts to Boost China's Maritime Power*. 2013.08.01. Available at: <http://tr.china-embassy.org/eng/xwtdt/t1063331.htm> (accessed 18.11.2017). (In Eng.)
32. Xin Chen. Sea Power and Maritime Disputes: China's Internal Discourses. *Maritime Security in East and Southeast Asia*. Ed. by Nicholas Tarling, Xin Chen. Singapore, Springer Publ., 2017, pp. 207–249. (In Eng.)
33. Yun Sun. *March West: China's Response to the U.S. Rebalancing*. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2013/01/31/march-west-chinas-response-to-the-u-s-rebalancing/> (accessed 11.11.2017). (In Eng.)
34. Zhang Wenmu. Sea Power and China's Strategic Choices. *China Security*, summer 2006, pp. 17–31. (In Eng.)
35. Zhang Xiaotong, Marlen Belgibayev. *China's Eurasian Pivot*. Available at: <http://www.theasanforum.org/chinas-eurasian-pivot/> (accessed 22.07.2017). (In Eng.)
36. Zhang Xiaotong, Li Xiaoyue. *China's Regionalism in Asia*. Available at: <http://www.theasanforum.org/chinas-regionalism-in-asia/> (accessed 21.03.2017). (In Eng.)
37. Zhang Yunling. "One Belt, One Road: A Chinese View". *Global Asia*, vol. 10, no. 3. Available at: <https://www.globalasia.org/issue/chinas-new-silk-roads/> (accessed 03.12.2016). (In Eng.)
38. Zhao Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate. *Trends in Southeast Asia*. Singapore, ISEAS — Yusof Ishak Institute Publ., 2016, no. 6, 44 p. (In Eng.)